

Рец.:

Леонардо да Винчи

Сказки, легенды, притчи

Пересказал с итальянского А. Махов

Рисунки С. Острова

Л: Детская литература, 1983. – 142 с, ил.

Для среднего и старшего школьного возраста

Художественная проза Леонардо да Винчи впервые появляется отдельным изданием на русском языке. Ей предшествовали публикации соответствующих разделов в сборниках избранных произведений Леонардо 1935 и 1952 годов, где переводы басен, фацетий (анекдотов) и «предсказаний» Леонардо были выполнены видным знатоком его творчества, известным советским искусствоведом А. М. Эфросом. Нынешнее издание, обращенное к детскому читателю, опирается, как сказано в послесловии переводчика, на итальянское издание леонардовской прозы, вышедшее в свет около десяти лет тому назад в старейшем флорентийском издательстве «Джунти», которое в свое время пользовалось услугами нотариуса Пьеро да Винчи, отца Леонардо. Однако, являясь, как и итальянское издание, первым отдельным изданием повествовательных сочинений Леонардо, русское издание отнюдь не впервые, как можно заключить на основании послесловия, знакомит нашего читателя с ними.

Другое дело, если имеется в виду детский читатель, и тут сразу надо сказать о больших трудностях, стоявших перед тем, кто предпринял адаптацию для подросткового и юношеского чтения прозы Леонардо. Леонардо не был профессиональным писателем, хотя современники отдавали должное его дарованию поэта-импровизатора и увлекательного рассказчика. Явным преувеличением звучат слова А. Махова о том, что «сочиненные им притчи и сказки принесли ему при жизни не меньшую известность, чем картины». Его литературное наследство — это скорее записи для себя, чем тексты, обращающиеся к читательскому восприятию. Конечно, на них, как и на всем, к чему прикасалась рука Леонардо, даже в тех случаях, когда он записывал бытовавшие в его среде анекдоты, лежит печать гения, но художественная ли это литература (при бесспорных чертах художественности)? И предмет ли это детского чтения? На эти непростые вопросы, (а умолчание о Леонардо трудов по истории итальянской литературы достаточно красноречиво) А. Махов отвечает как самим фактом, так и характером своей обработки. Он как бы «подтягивает» Леонардо и под художественную литературу, и под детское чтение. Четкую характеристику прозы Леонардо мы находим у А. М. Эфроса: «Проза Леонардо да Винчи отличается выразительностью и простотой. В ней нет словесных побрякушек, ненужных литературных украшений, изысканных, замысловатых эпитетов. Мысль излагается экономно, точно и ясно, без шелухи случайных и лишних слов»¹. Можно сказать, что адаптация А. Махова создает почти противоположное представление о Леонардо-писателе.

Лаконичные, лапидарные словесные зарисовки Леонардо превращаются у него в многословные — то простоватые, то затейливые сценки, расцвеченные и тем самым будто бы оживленные словами и оборотами обиходного просторечия, но чуждые как складу леонардовского мышления, так и его образности и стилистике. Скажем, запись Леонардо гласит: «Заснул осел на льду глубокого озера, а теплота его тела растопила лед, и осел, на горе свое, проснувшись уже под водою, потонул»². А. Махов повествует: «Проплутав по полям до самых сумерек, осел так утомился, что не в силах был дотащиться до своего стойла. Зима в том году стояла суровая — все дороги обледенели.— Мочи нет боле. Передохну немного здесь,— сказал вконец обессиленный осел и растянулся на льду» и т. д. и т. п. Появляется и «юркий воробей», дающий ослу совет не спать на замерзшем пруду, и сведения о том, что заснул осел,

«сладко зевнув», а «из его ноздрей повалил пар». Автор обработки считает необходимым добавить, что, оказавшись в воде, осел стал звать на помощь, но «было уже поздно, и бедняга захлебнулся». Но это еще полбеды. Выдумав отсутствующий у Леонардо персонаж — «юркого воробья» и его совет ослу, А. Махов домысливает за Леонардо и мораль истории: «Никогда не следует гнушаться добрым советом, особенно когда находишься в незнакомом месте». Ясно, что никакого отношения к тексту Леонардо, говорящему скорее о коварной переменчивости судьбы, чем о полезности «добрых советов», эта мораль не имеет. Вообще мысль, содержащаяся в истории об осле, А. Махова явно «не устраивает», ибо он старательно устраняет ее и из истории о крабе. Леонардо пишет: «Краб притаился под скалой, чтобы изловить рыб, которые под нее входили. Но подошел прилив со стремительным низвержением камней, и их падением был раздавлен тот краб»³. У А. Махова это превращается в назидательную историю о том, как был наказан «зарвавшийся краб-разбойник», не внявший увещаниям старого камня не изводить «беззащитных рыб». Не забыта здесь и «словесная живопись» («Вода здесь была прозрачная, как воздух, и рыбы чувствовали себя вольготно, наслаждаясь тенью и радужными солнечными бликами»; «...хитрец ловко подцеплял ее своей клешней и пожирал с превеликим удовольствием»).

Конечно, у адаптации для детей свои законы, и невозможно требовать от нее точного следования оригиналу, но все дело в чувстве меры, а его пересказы А. Махова зачастую лишены. Если в факетии о монахе, отомстившем купцу, который оставил его без трапезы, у Леонардо просто говорится, что «купец вынес эту месть мирно, с приветливым смехом и слегка покраснел от стыда»⁴, то А. Махов считает нужным прибегнуть к фортиссимо: «...весь красный от стыда и досады, плутоватый купец был вынужден согласиться, что досталось ему поделом от монаха за давешнюю уловку с курицей». Автор пересказа не доверяет способности детей среднего и старшего школьного возраста воспринять специфику мышления Леонардо, особенностей его повествовательной манеры. Что же! может быть, он и прав, но тогда не следовало затевать детского издания прозы Леонардо. Однако если оно предпринято, то не надо низводить ее до забавных побасенок в духе «ретро» (чему способствуют и эклектически стилизованные иллюстрации), имеющих мало общего с подлинным Леонардо.

¹ Леонардо да Винчи. Избранное. – М.: ГИХЛ, 1952. – С. 246.

² Там же. – С. 141.

³ Там же.

⁴ Там же. – С. 150.